

Безотлагательность рассмотрения судом правомерности содержания под стражей: европейские подходы к российским проблемам

Алексей Лаптев*

Нарушение права на безотлагательное рассмотрение судом правомерности содержания под стражей, гарантированного Европейской Конвенцией по правам человека (п. 4 ст. 5), является в России распространённым явлением. Нередко сроки рассмотрения судами данного вопроса не отвечают требованию «безотлагательности». В статье приводится анализ правовых позиций Европейского Суда по правам человека в отношении данного требования в контексте уголовного преследования. В ней также содержится обзор средств правовой защиты от такой меры пресечения как содержание под стражей и сроков принятия по ним решения, предусмотренных в УПК Российской Федерации. Нарушение требования «безотлагательности» влечёт за собой возникновение права на компенсацию (п. 5 ст. 5 Европейской Конвенции), которое в настоящее время в России реализовать невозможно. Автор приходит к выводу о необходимости разработки и внедрения механизма реализации права на компенсацию за нарушение данного требования, по аналогии с Федеральным законом от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

→ *Европейский Суд по правам человека; Конвенция о защите прав человека и основных свобод; безотлагательное рассмотрение судом правомерности содержания под стражей; право на компенсацию; пункт 4 статьи 5 Конвенции; пункт 5 статьи 5 Конвенции*

DOI: 10.21128/2226-2059-2016-3-48-63

1. Введение

В настоящей статье проводится анализ практики Европейского Суда по правам человека (*далее* — ЕСПЧ, Европейский Суд или Суд) в отношении одного из аспектов права на безотлагательное рассмотрение судом правомерности содержания под стражей, а именно — сроков рассмотрения данного вопроса. Данное право закреплено в пункте 4 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Европейская Конвенция, Конвенция)¹. Его содержание (как и

иных прав и свобод, гарантированных в Конвенции) раскрывается в практике ЕСПЧ — органа, наделённого полномочиями рассматривать соответствующие жалобы. Все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней, находятся в ведении ЕСПЧ (п. 1 ст. 32 Конвенции).

Следует отметить, что правовые позиции, сформулированные Судом в его окончательных постановлениях, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для российских судов, а принятые в отношении других государств — участников Конвенции должны ими учитываться при от-

* *Лаптев Алексей Николаевич* — доктор права (Университет им. Христиана Альбрехта, Германия), LL.M. (Kiel), эксперт правозащитной организации Prison Litigation Network, юрист Европейского Суда по правам человека (2010–2014) (e-mail: a.laptev@bk.ru).

¹ В России Конвенция ратифицирована Федеральным законом от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ (см.: Собрание законодатель-

ства Российской Федерации. 1998. № 14. Ст. 1514) и вступила в силу 5 мая 1998 года. Если не указано иного, ссылки на судебные и нормативные акты, использованные в настоящей статье, приводятся по СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.08.2016).

правлении правосудия². Вместе с тем, как показывает практика, у правоприменителей, как и у простых граждан, возникают трудности с установлением содержания правовых позиций Суда по той или иной проблеме. Это связано как с огромным массивом постановлений Суда, так и с доступностью и качеством имеющихся переводов постановлений на русский язык. Кроме того, Суд всегда принимает решение исходя из обстоятельств конкретного дела, поэтому возникают определённые сложности как в обобщении его правовых позиций³, так и в их применении в делах с несколько иными фактическими обстоятельствами. Этим же объясняется и некоторая противоречивость позиций Суда, во всяком случае — по пограничным вопросам. Более того, не всегда в решениях и постановлениях Суда факты дела излагаются в полном объёме, что зачастую вызывает дополнительные трудности в понимании и применении его правовых позиций. Поэтому настоящий анализ, как представляется, может быть полезен всем, кто сталкивается (в той или иной форме) с такой мерой пресечения, как содержание под стражей.

2. Общие положения

Гарантии пункта 4 статьи 5 Конвенции применимы только к судебной процедуре проверки законности содержания под стражей (*Medvedev v. Russia*, no. 9487/02, § 49, 15 July 2010), которая проводится по инициативе лица, лишённого свободы (его представителей). В этом заключается принципиальное отличие от срока, установленного в пункте 3 статьи 5 Конвенции, где говорится о доставлении к судье после первого задержания по

инициативе властей. Другое отличие состоит в том, что гарантии пункта 3 статьи 5 Конвенции распространяются только на лиц, задержанных с целью уголовного преследования, а гарантии пункта 4 статьи 5 Конвенции — на всех лиц, лишённых свободы⁴.

Судебная проверка законности содержания под стражей, согласно пункту 4 статьи 5 Конвенции, должна проводиться «безотлагательно». Данное правило является менее строгим, чем пункт 3 статьи 5 Конвенции, где говорится о «незамедлительном» доставлении к судье при задержании с целью уголовного преследования, однако также не содержит чётких временных ориентиров. Всё зависит от обстоятельств конкретного дела, в частности его сложности, усердия, продемонстрированного властями, и причин задержек (*Mooren v. Germany* [GC], no. 11364/03, § 106, 9 July 2009)⁵. На практике это означает, что нарушение может быть установлено только тогда, когда ответственность за задержки несут власти и срок вынесения решения превышает те сроки, которые признаются Судом соответствующими требованию «безотлагательности» (см., например: *Lebedev v. Russia*, no. 4493/04, § 98–102, 25 October 2007; *Trepashkin v. Russia (no. 2)*, no. 14248/05, § 144–146, 16 December 2010, *Miminoshvili v. Russia*, no. 20197/03, § 101, 28 June 2011).

Соблюдение сроков, установленных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (*далее* — УПК), учитывается Судом, но не имеет решающего значения (*Khudoyorov v. Russia*, no. 6847/02, § 198, 8 November 2005; *Rozhkov v. Russia*, no. 64140/00, § 124, 19 July 2007). Поскольку речь идёт о таком фундаментальном праве, как свобода, государство должно организовать свои процедуры таким образом, чтобы судебное разбирательство было проведено с минимальными задержками (*Mayzit v. Russia*, no. 63378/00,

² См.: пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 года № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней». Российский Конституционный Суд, в свою очередь, отметил, что правовые позиции ЕСПЧ «должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права» (п. 2.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 года № 2-П).

³ См.: *Álvarez García F.J., Queralt Jiménez A. European Convention Protection of the Right to Liberty and Security: A Minimum European Standard // Europe of Rights: A Compendium on the European Convention of Human Rights / ed. by J. García Roca, P. Santolaya. Leiden ; Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 2012. P. 107–152, 146.*

⁴ Из практики ЕСПЧ следует одно исключение из данного правила: гарантии пункта 4 статьи 5 Конвенции, как правило, не распространяются на лиц, осуждённых компетентным судом и отбывающих наказание в виде лишения свободы (п. 1(a) ст. 5 Конвенции), поскольку судебный контроль законности лишения свободы в такой ситуации инкорпорирован в соответствующий приговор (см., например: *Menesheva v. Russia*, no. 59261/00, § 106, 9 March 2006).

⁵ Ссылки на постановления и решения ЕСПЧ, использованные в настоящей статье, приводятся по его информационно-правовой системе «HUDOC», расположенной на его официальном сайте: URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 30.08.2016).

§ 49, 20 January 2005). Необходимость безотлагательного рассмотрения вопроса о законности содержания под стражей до обвинительного приговора также вытекает из принципа презумпции невиновности (*Idalov v. Russia* [GC], no. 5826/03, § 155, 22 May 2012). Применение любой принудительной меры до приговора, особенно связанной с лишением свободы, в определённом смысле противоречит презумпции невиновности, так как человек начинает испытывать серьёзные ограничения ещё до того, как он был признан виновным. Лишение свободы является исключительной мерой, именно поэтому оно должно сопровождаться особыми процессуальными гарантиями, в том числе и в отношении сроков рассмотрения этого вопроса.

3. Сроки проверки законности содержания под стражей по УПК Российской Федерации

Судебные постановления об избрании и продлении меры пресечения в виде содержания под стражей могут быть обжалованы в апелляционном порядке (ч. 3 ст. 389.2 УПК). Согласно части 11 статьи 108 УПК, срок рассмотрения жалобы на постановление судьи об избрании этой меры пресечения апелляционным судом — не более 3 суток со дня её поступления в суд. Как разъяснил Верховный Суд России, такой срок также действует при рассмотрении в апелляционном порядке жалоб на все последующие судебные постановления о продлении этой меры пресечения⁶. Таким образом, сроки рассмотрения апелляционных жалоб на постановления о содержании под стражей существенно короче, чем общие сроки рассмотрения дел судом апелляционной инстанции (см.: ст. 389.10 УПК). Следует отметить, что апелляционные жалобы подаются через суд, вынесший обжалуемое постановление (ч. 1 ст. 389.3 УПК). Определённым пробелом является отсутствие сроков для передачи (пересылки) жалобы и соответствующих материалов, необходимых для её рассмотрения, из суда первой

инстанции в апелляционный суд⁷. Однако очевидно, что данные сроки должны быть минимальными. Так, Верховный Суд разъяснил, что «судам после поступления жалобы... на указанные решения необходимо незамедлительно направлять соответствующие материалы для апелляционного рассмотрения»⁸.

Вступившие в законную силу постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также о её продлении могут быть обжалованы в кассационном порядке⁹. Кассационная жалоба подаётся непосредственно в суд кассационной инстанции (ч. 1 ст. 401.3 УПК). Следует отметить, что российский УПК не предусматривает специальных (сокращённых) сроков для рассмотрения кассационных жалоб на постановления о содержании под стражей. Общие сроки рассмотрения кассационных жалоб составляют от одного до трёх месяцев. Причём период со дня истребования дела до дня его поступления в суд кассационной инстанции не засчитывается в данные сроки (ст. 401.9 УПК).

Кроме того, как неоднократно отмечал Конституционный Суд России, УПК позволяет «в любой момент производства по уголовному делу заявить ходатайство об отмене или изменении данной меры пресечения [в виде содержания под стражей], не препятствуя при этом суду принять соответствующее решение»¹⁰ (выделено мною. — *А.Л.*). Таким образом, Конституционный Суд признаёт за стороной защиты право подать ходатайство об освобождении непосредственно в суд на любом этапе судопроизводства, включая досудебное производство¹¹. Данное ходатайство подлежит рассмотрению и разреше-

⁷ См.: *Butusov v. Russia*, no. 7923/04, § 29, 22 December 2009.

⁸ См.: пункт 52 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41 (ред. от 24 мая 2016 года).

⁹ См.: пункт 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 года № 2 (ред. от 3 марта 2015 года) «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции».

¹⁰ См. определения Конституционного Суда РФ: от 6 июня 2003 года № 184-О; от 15 июля 2003 года № 308-О; от 19 марта 2009 года № 271-О-О; от 13 октября 2009 года № 1109-О-О.

¹¹ В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41 (ред. от 24 мая 2016 года) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» упомянута лишь возможность заявления суду ходатайства об отмене (изменении) меры пресечения в виде содержания под стражей в период судебного разбирательства по уголовному делу (п. 35).

⁶ См.: пункт 52 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41 (ред. от 24 мая 2016 года) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога».

нию непосредственно после его заявления (ст. 121 УПК). В случаях, когда немедленное принятие решения по ходатайству, заявленному в ходе предварительного расследования, невозможно, оно должно быть разрешено не позднее трёх суток со дня его заявления (там же). Решения об отказе в удовлетворении ходатайства об освобождении (отмене, изменении меры пресечения) не названы в части 3 статьи 389.2 УПК РФ среди тех судебных актов, которые подлежат самостоятельному апелляционному обжалованию (до вынесения итогового судебного решения). Однако судебная практика, хоть и не отличается единообразием по этому вопросу¹², допускает возможность такого обжалования¹³. При этом действуют общие сроки рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции (ст. 389.10 УПК).

Следует отметить, что если согласиться с позицией, согласно которой решения суда об отказе в удовлетворении ходатайства стороны защиты об освобождении (отмене, изменении меры пресечения в виде содержания под стражей) не подлежат самостоятельному апелляционному обжалованию¹⁴, то это будет означать, что они обжалуются в апелляционном порядке одновременно с обжалованием итогового судебного решения по делу (см.: ч. 2 ст. 389.2 УПК). Однако очевидно, что это будет противоречить пункту 4 статьи 5 Конвенции, которая требует «безотлагательной» проверки законности содержания под стражей и освобождения заявителя в случае признания данной меры пресечения незаконной¹⁵. Решение суда об отказе в ходатайстве

об освобождении также может быть обжаловано в кассационном порядке¹⁶.

Российский Конституционный Суд признаёт также за стороной защиты «право в любой момент производства по уголовному делу заявить ходатайство об отмене или изменении данной меры пресечения [в виде содержания под стражей] и обоснованность отказа в этом»¹⁷ (выделено мною. — А.Л.). Такое ходатайство может быть заявлено следователю (дознавателю), в производстве которого находится уголовное дело (ч. 2 ст. 110, ч. 2 ст. 119 УПК). Однако очевидно, что сделать это можно не в любой момент производства по уголовному делу, как указал Конституционный Суд России, а только в период его нахождения в производстве соответствующего должностного лица (см.: ч. 1 ст. 255 УПК)¹⁸. Вынесенное по ходатайству постановление следователя (дознавателя) может быть обжаловано в суд в порядке статьи 125 УПК РФ¹⁹. Срок рассмотрения данной жалобы — 5 суток со дня её поступления в суд (ч. 3 ст. 125 УПК). Постановление суда об отказе в удовлетворении жалобы может быть обжаловано в апелляционном и кассационном порядке по общим правилам, установленным

установил нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции ввиду отказа суда второй инстанции рассмотреть жалобу заявителя на судебное постановление, которым было отклонено его ходатайство об освобождении. При этом суд второй инстанции сослался на пункт 2 части 5 статьи 355 УПК РФ (соответствует ч. 2 ст. 389.2 УПК РФ в действующей редакции), согласно которому не подлежат обжалованию определения или постановления об отклонении ходатайств участников судебного разбирательства, вынесенные в ходе судебного разбирательства. При рассмотрении данного дела в ЕСПЧ власти Российской Федерации признали нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

¹² См.: Рукавишников П. П. Отказ суда в изменении меры пресечения как предмет самостоятельного кассационного (апелляционного) обжалования // Сибирский юридический вестник. 2012. № 3(58). С. 102–106.

¹³ См., например: Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 5 мая 2015 года № 22-2825/2015. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/4EZMB76bMeUO/> (дата обращения: 30.08.2016).

¹⁴ См., например: пункт 1.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 года № 4-П; определения Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 года № 2292-О и от 20 ноября 2014 года № 2741-О. См. также: пункт 6 Обзора судебной практики применения судами Нижегородской области законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога за четвёртый квартал 2014 года, утверждён Президиумом Нижегородского областного суда 22 апреля 2015 года. URL: <http://obsudnn.ru/index.php/obzory-sudebnoj-praktiki/1267> (дата обращения: 30.08.2016).

¹⁵ Следует отметить, что в деле *Makarenko v. Russia*, no. 5962/03, § 122–125, 22 December 2009, Европейский Суд

¹⁶ См., например: Постановление Президиума Хабаровского краевого суда от 19 октября 2015 года № 44у-138/2015.

¹⁷ Определения Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 года № 2323-О и от 18 октября 2012 года № 1904-О.

¹⁸ Поэтому формулировка, использованная в пункте 5 Постановления Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 года № 23-П, представляется более удачной: «[УПК РФ]... предоставляет обвиняемому и его защитнику право в любой момент производства по уголовному делу заявить ходатайство органу, осуществляющему уголовное судопроизводство, об отмене или изменении меры пресечения (ст. 47, 53 и 119–122)» (выделено мною. — А.Л.).

¹⁹ Следует отметить, что изменение меры пресечения в виде содержания под стражей на залог или домашний арест производится исключительно судом в порядке, установленном статьёй 108 УПК РФ (см.: ч. 2 ст. 106, ч. 3 ст. 107 УПК РФ). Отказ суда в удовлетворении соответствующего ходатайства может быть обжалован в апелляционном и кассационном порядке, см. например: Апелляционное постановление Московского городского суда от 14 июля 2016 года № 10-11270/2016.

УПК²⁰. Вместе с тем следует отметить, что процедура обжалования, установленная статьёй 125 УПК РФ, была признана Европейским Судом не соответствующей требованиям пункта 4 статьи 5 Конвенции, поскольку не предусматривает полномочия суда освободить заявителя из-под стражи, даже если отказ соответствующего должностного лица об отказе в удовлетворении данного ходатайства будет признан незаконным или необоснованным²¹. Поэтому заслуживает поддержки позиция судов, согласно которой вопросы, связанные с изменением меры пресечения, должны рассматриваться в порядке статей 108–109 УПК, а не в порядке статьи 125 УПК²².

Наконец, следует отметить, что если кассационная жалоба в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда России была рассмотрена по существу, то пункт 4 части 3 статьи 412.1 УПК позволяет обжаловать её определение в надзорном порядке в Президиум Верховного Суда. Сроки рассмотрения надзорных жалоб составляют один-два месяца. Причём период со дня истребования дела до дня его поступления в российский Верховный Суд не засчитывается в данные сроки (ст. 412.6 УПК).

4. Ответственность за задержки

Задержки, ответственность за которые несёт сторона защиты, не могут обосновать нарушение требования «безотлагательности», закреплённого в пункте 4 статьи 5 Конвенции. Сторона защиты несёт ответственность, например, за следующие задержки:

– отложение рассмотрения ходатайства об освобождении судом первой инстанции в результате неявки адвоката заявителя (*Zuyev v. Russia*, no. 16262/05, § 98, 19 February 2013)²³;

– задержка (более двух недель), вызванная подачей жалобы заявителем в суд второй инстанции с нарушением установленного порядка – жалоба была подана в данный суд напрямую, а не через суд первой инстанции, как того требовал УПК РФ (*Trepashkin v. Russia (no. 2)*, no. 14248/05, § 143, 16 December 2010)²⁴;

– задержка (10 суток) в результате того, что жалоба на постановление о содержании под стражей была подана адвокатом заявителя по почте, а не лично (*Lebedev v. Russia*, no. 4493/04, § 22, 24 and 105, 25 October 2007)²⁵;

– отложение судебного заседания судом второй инстанции на 8 суток в результате ходатайства заявителя о личном участии, поданном незадолго (за один день) до назначенного слушания (*Fedorenko v. Russia*,

²⁰ См., например: Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 24 ноября 2015 года № 22К-6858/2015. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/v59EhiNTrtdB/> (дата обращения: 30.08.2016); Апелляционное постановление Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 24 марта 2015 года № 22К-287/2015. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/QuBhqiP7PmdB/> (дата обращения: 30.08.2016).

²¹ См.: *Zokhidov v. Russia*, no. 67286/10, § 189, 5 February 2013; *Yefimova v. Russia*, no. 39786/09, § 301–309, 19 February 2013.

²² См., например, Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 11 августа 2016 года № 22К-4110/2016. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 30.08.2016). В целом, судебная практика в отношении порядка рассмотрения и обжалования ходатайств об освобождении из-под стражи весьма противоречива. Давно назрела необходимость чётко урегулировать данные вопросы на уровне УПК РФ или Постановления Пленума Верховного Суда РФ, к чему призывает ряд авторов, см. например: *Арзамасцева К. А., Каретников А. С.* Судебный порядок отмены или изменения судом меры пресечения в виде содержания под стражей в досудебном производстве по уголовному делу // *Российский судья*. 2009. № 2. С. 28–29; *Абрамочкин В. В.* Отдельные аспекты отмены и изменения меры пресечения в виде заключения под стражу, избранной в ходе досудебного производства // *Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики* / редкол.: В. И. Качалов и др. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 145–151, 151; *Буранов П. С., Бикмиев Р. Г.* Ходатайства об изменении или отмене меры пресечения, виды принимаемых по ним судебных решений и основания для их принятия // *Судья*. 2015. № 12. С. 37–41, 41.

²³ Рассмотрение ходатайства об освобождении было отложено в результате неявки адвоката три раза: 13, 20 и 28 января 2005 года. Наконец, оно было рассмотрено 15 февраля 2005 года. Таким образом, представляется, что защита должна нести ответственность за весь период, который составил более месяца. Однако Суд отметил, что задержка по вине защиты составила менее двух недель (*ibid.* § 98). Даже если учитывать только период с 13 по 28 января, срок составляет более двух недель (15 суток). Поскольку 28 января причина отложения не изменилась, а после отложения ходатайство было рассмотрено достаточно быстро, представляется, что за последующий период государство также не должно нести ответственности.

²⁴ См. также: *Ilkin v. Russia*, no. 12436/11, § 77, 22 September 2015. С другой стороны, в отношении решения о неприемлемости обязанность «незамедлительно рассмотреть» жалобу лежит и на том суде, в который она была подана по ошибке (*Labzov v. Russia (dec.)*, no. 62208/00, § 2, 8 January 2004; *Luberti v. Italy*, no. 9019/80, § 33, 23 February 1984).

²⁵ Вместе с тем в другом деле, в отсутствие каких-либо объяснений такой задержки со стороны властей, ЕСПЧ включил длительность почтового пробега апелляционной жалобы (один месяц), поданной адвокатом заявителя на постановление суда о содержании последнего под стражей в период, ответственность за который несёт государство (*Nabid Abdullayev v. Russia*, no. 8474/14, § 23 and 82–84, 15 October 2015).

по. 39602/05, § 81–83, 21 September 2011; см. также: *Rokhlina v. Russia*, по. 54071/00, § 78, 7 April 2005);

– перенос даты судебного заседания судом второй инстанции на 8 суток в результате того, что адвокаты заявителя не представили документ, подтверждающий их полномочия представлять его интересы (*Miminoshvili v. Russia*, по. 20197/03, § 101, 28 June 2011);

– перенос срока судебного заседания судом второй инстанции на 5 суток по ходатайству защиты для ознакомления с материалами дела (*Pichugin v. Russia*, по. 38623/03, § 154, 23 October 2012);

– перенос срока судебного заседания судом второй инстанции на двое суток, поскольку заявителю требовалось время для консультации со своими адвокатами (*Mkhitarjan v. Russia*, по. 46108/11, § 106, 5 February 2013)²⁶.

За задержки, которые носят объективный характер, власти также не несут ответственности. Вместе с тем болезнь заявителя пока является единственным примером, когда Суд признал, что причина задержки носила объективный характер (*Rokhlina v. Russia*, по. 54071/00, § 76, 7 April 2005)²⁷. Болезнь судьи (*Pelevin v. Russia*, по. 38726/05, § 64, 10 February 2011) или других подсудимых по делу (*Matyush v. Russia*, по. 14850/03, § 97 and 102, 9 December 2008) не являются уважительной причиной для задержек. Выходные и праздничные дни (см.: *Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia*, nos. 11082/06 and 13772/05, § 523, 25 July 2013), как и приостановление производства по уголовному делу (см.: *Khudobin v. Russia*, по. 59696/00, § 111 and 119, 26 October 2006), также не освобождают государство от ответственности за задержки.

Соблюдение формальностей, установленных процессуальным законодательством, например заблаговременное и надлежащее извещение сторон о дате судебного заседания (см.: *Miminoshvili v. Russia*, по. 20197/03, § 103, 28 June 2011; *Yevgeniy Gusev v. Russia*, по. 28020/05, § 97, 5 December 2013)

или получение возражений от стороны обвинения (см.: *Khodorkovskiy v. Russia*, по. 5829/04, § 248, 31 May 2011; *Mkhitarjan v. Russia*, по. 46108/11, § 106, 5 February 2013), не освобождает государство от обязанности провести процесс «безотлагательно». Обстоятельства, связанные с другими подсудимыми по делу либо их адвокатами (неявка в судебное заседание, болезнь и т. д.), также не оправдывают задержки в рассмотрении жалобы заявителя (*Matyush v. Russia*, по. 14850/03, § 101–102, 9 December 2008). Требования законности и обоснованности содержания под стражей предполагают необходимость индивидуального рассмотрения ситуации каждого обвиняемого, подозреваемого и т. п. Именно поэтому обстоятельства, связанные с другими участниками уголовного судопроизводства, не могут являться основанием для отложения рассмотрения данного вопроса.

Естественно, что государство несёт ответственность за задержки, которые возникли в результате процессуальных нарушений, допущенных государственными органами, например за время, которое потребовалось заявителю для восстановления срока обжалования постановления о продлении меры пресечения в виде содержания под стражей ввиду того, что копия данного постановления была ему вручена после истечения срока обжалования, либо за отложение судебного заседания ввиду несвоевременного уведомления о нём заявителя (*Manerov v. Russia*, по. 49848/10, § 44, 5 January 2016).

Следует отметить, что задержки в рассмотрении ходатайства об освобождении не может оправдать и тот факт, что заявитель был впоследствии осуждён и ему засчитали в срок отбытия наказания время, проведённое под стражей до приговора, как иногда утверждали в Суде российские власти (*Lamazhyk v. Russia*, по. 20571/04, § 105, 30 July 2009; *Savenkova v. Russia*, по. 30930/02, § 99, 4 March 2010). Наконец, возможность подать ходатайство об освобождении во время рассмотрения судом второй инстанции апелляционной жалобы на постановление суда о содержании под стражей, как и рассмотрение такого ходатайства судом первой инстанции, также не освобождают государство от обязанности рассмотреть апелляционную жалобу на постановление о содержании под

²⁶ С другой стороны, в этом же параграфе постановления Суд отметил, что государство ответственно за весь период рассмотрения жалобы заявителя.

²⁷ В данном деле суд первой инстанции отложил рассмотрение ходатайства об освобождении из-за болезни заявителя на пять суток.

стражей незамедлительно (см.: *Veliyev v. Russia*, no. 24202/05, § 167, 24 June 2010; *Malofeyeva v. Russia*, no. 36673/04, § 84, 30 May 2013).

5. Исчисление срока

Для начала следует отметить, что период, в течение которого происходит проверка законности содержания под стражей, Суд, как правило, исчисляет в сутках (см.: *Idalov v. Russia* [GC], no. 5826/03, § 32 and 156, 22 May 2012). Так, например, срок рассмотрения жалобы, поданной на постановление о продлении меры пресечения в виде содержания под стражей 13 марта 2009 года и рассмотренной судом второй инстанции 26 марта 2009 года, составил, по оценке Суда, 13 суток (*Karimov v. Russia*, no. 54219/08, § 124, 29 July 2010). Вместе с тем встречаются дела, в которых данный период был посчитан в днях (см., например: *Sarban v. Moldova*, no. 3456/05, § 119–120, 4 October 2005, где Суд посчитал, что срок рассмотрения ходатайства об освобождении составил 21 сутки, притом что оно было подано 13 января 2005 года, а рассмотрено и отклонено 2 февраля 2005 года). При втором способе подсчёта данный период увеличивается на один день, так как включает в себя день подачи жалобы (ходатайства).

По общему правилу, отправной точкой для исчисления периода, ответственность за который несут власти, является дата получения компетентным судом соответствующего ходатайства либо жалобы (*Miminoshvili v. Russia*, no. 20197/03, § 102, 28 June 2011; *Khodorkovskiy v. Russia*, no. 5829/04, § 248, 31 May 2011; *Tsarenko v. Russia*, no. 5235/09, § 77, 3 March 2011). Если эта дата неизвестна, то Суд, исходя из имеющихся материалов, может посчитать срок с другой даты, например с даты, указанной в жалобе, или даже с даты вынесения обжалуемого постановления о содержании под стражей (см.: *Miminoshvili v. Russia*, no. 20197/03, § 102, 28 June 2011). Суд часто исходит из даты подачи жалобы заявителем, причём остаётся неясным, совпадает ли дата подачи с датой получения жалобы судом, с учётом того, что заявитель находился под стражей и, соответственно, вынужден был подать жалобу через администрацию места лишения свободы (см., напри-

мер: *Idalov v. Russia* [GC], no. 5826/03, § 156, 22 May 2012; *Medvedev v. Russia*, no. 9487/02, § 21 and 49, 15 July 2010). В некоторых делах, в отсутствие соответствующей информации, Суд установил примерную продолжительность рассмотрения жалоб на судебные постановления о содержании под стражей, исходя из того, что они были поданы в пределах срока обжалования, установленного УПК РФ (см., например: *Starokadomskiy v. Russia*, no. 42239/02, § 82, 31 July 2008; *Gubkin v. Russia*, no. 36941/02, § 154, 23 April 2009).

В случае подачи нескольких жалоб, например краткой и развёрнутой, либо заявителем и его адвокатом, либо разными адвокатами заявителя, срок, как правило, исчисляется с получения последней жалобы судом первой инстанции (см.: *Trepashkin v. Russia* (no. 2), no. 14248/05, § 144, 16 December 2010; *Khodorkovskiy v. Russia*, no. 5829/04, § 248, 31 May 2011)²⁸. Подача нескольких жалоб на постановление о содержании под стражей усложняет дело и может вызвать задержки в его рассмотрении, ответственность за которые, в принципе, должен нести заявитель (см.: *Lebedev v. Russia*, no. 4493/04, § 104–105, 25 October 2007; см. также: *Belozorov v. Russia and Ukraine*, no. 43611/02, § 142, 15 October 2015). Вместе с тем, если задержки с подачей развёрнутой или дополнительной жалобы произошли по вине властей либо власти допустили существенные задержки при осуществлении процессуальных действий, связанные с рассмотрением первоначальной жалобы, Суд может включить этот период в общую продолжительность разбирательства, ответственность за которую несёт государство²⁹. Так, Суд признал, что власти несут ответственность за десятидневную задержку в подаче защиты развёрнутой жалобы на постановление о содержании под стражей, которая произошла в результате запоздалого изготовления протокола судеб-

²⁸ Противоположный подход был использован Судом в деле *Rokhlina v. Russia*, no. 54071/00, § 75–79, 7 April 2005.

²⁹ В качестве исключения, которое не получило развития в судебной практике, следует упомянуть дело *Shteyn (Stein) v. Russia*, no. 23691/06, § 131–133, 18 June 2009, в котором Суд указал, что период, за который власти несут ответственность, начался не с момента получения судом первоначальной или дополнительной жалобы на постановление суда о содержании заявителя под стражей, а с момента окончания срока для представления возражений по этим жалобам.

ного заседания, в котором было вынесено данное постановление (*Lebedev v. Russia*, no. 4493/04, § 98–102, 25 October 2007). В отношении другого постановления о продлении в этом же деле Суд пришёл к выводу, что, несмотря на подачу защитой дополнительной жалобы, власти несут ответственность за весь период со дня получения судом первоначальной жалобы ввиду существенных задержек в осуществлении процессуальных действий, связанных с её рассмотрением (см. там же, § 103–108)³⁰.

Вместе с тем очевидно, что, если ходатайство об освобождении (либо жалоба на постановление о мере пресечения) поданы лицом, находящимся под стражей, государство должно нести ответственность за задержки, связанные с их отправкой в суд администрацией места содержания под стражей³¹. Что касается периода доставки жалобы из места лишения свободы до суда, то представляется, что власти также должны нести ответственность и за этот период. Данная позиция находит подтверждение в практике Суда (см., например: *Labzov v. Russia* (dec.), no. 62208/00, § 2, 8 January 2004; *Rokhlina v. Russia*, no. 54071/00, § 75, 7 April 2005; *Yeugeniy Bogdanov v. Russia*, no. 22405/04, § 158–159, 26 February 2015), хотя встречается и противоположный подход, когда Суд принял за точку отсчёта получение компетентным судом соответствующей жалобы, даже

если она была подана лицом, содержащимся под стражей (см., например: *Alekhin v. Russia*, no. 10638/08, § 144, 30 July 2009; *Miminozhvili v. Russia*, no. 20197/03, § 101, 28 June 2011; *Shikuta v. Russia*, no. 45373/05, § 22 and 56, 11 April 2013). В пользу первого подхода можно привести следующие аргументы: 1) с момента передачи жалобы администрации места содержания под стражей её пересылка в суд находится вне контроля заключённого; 2) в отличие от адвоката, у заключённого нет возможности выбрать способ доставки жалобы (см.: *Lebedev v. Russia*, no. 4493/04, § 105, 25 October 2007, где Суд признал, что власти не несут ответственности за период почтовой доставки жалобы, поданной адвокатом, поскольку он мог подать её лично, а не направлять по почте); 3) государство устанавливает порядок доставки жалоб из места лишения свободы в суд (почтой, курьером), и если этот порядок не гарантирует незамедлительного получения судом жалобы, то государство и должно нести за это ответственность; 4) практика Суда свидетельствует о том, что срок почтовой пересылки жалобы на постановление о мере пресечения из суда первой в суд второй инстанции включается в период, за который государство несёт ответственность (см., например: *Idalov v. Russia* [GC], no. 5826/03, § 152 and 157, 22 May 2012; *Butusov v. Russia*, no. 7923/04, § 34, 22 December 2009; *Tsarenko v. Russia*, no. 5235/09, § 79, 3 March 2011; *Olyunin v. Russia* [Committee], no. 22631/04, § 24, 19 April 2016), поэтому нет оснований использовать другой подход, когда жалоба переправляется не из одного суда в другой, а из следственного изолятора в суд. Исходя из вышесказанного, исчисление срока с момента получения судом жалобы представляется оправданным только в том случае, если жалоба была подана адвокатом заявителя³².

Соответствующий период, по общему правилу, заканчивается в день вынесения су-

³⁰ См. также: *Kashpruk v. Russia* [Committee], no. 37894/07, § 10 and 32, 8 December 2015, где Суд признал, что государство несёт ответственность за задержку в девять суток в пересылке судом стороне обвинения копии первоначальной жалобы на постановление суда о содержании под стражей, несмотря на то что впоследствии заявителем был подан ряд дополнений к жалобе. См. также: *Ilkin v. Russia*, no. 12436/11, § 17–18 and 77, 22 September 2015, где, несмотря на последующую подачу дополнительной жалобы (срок рассмотрения которой по вине государства составил всего 12 суток), ЕСПЧ установил нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции, поскольку, по его мнению, первоначальная жалоба заявителя на постановление о заключении его под стражу была необоснованно признана поданной с пропуском срока обжалования, что существенно затянуло процедуру её рассмотрения судом второй инстанции.

³¹ Жалобы, адресованные в суд, должны быть направлены администрацией места содержания под стражей адресату не позднее следующего за днём подачи рабочего дня (п. 94 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утверждены Приказом Минюста РФ от 14 октября 2005 года № 189 (ред. от 21 июля 2016 года) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 46. 2005. 14 ноября). Статья 126 УПК РФ говорит о том, что это должно происходить «немедленно».

³² Хотя следует отметить, что Почта России является федеральным государственным унитарным предприятием, осуществляющим публичную обязанность по доставке корреспонденции, за неэффективную работу которого, в принципе, государство также должно нести ответственность (см.: *Liseytseva and Maslov v. Russia*, nos. 39483/05 and 40527/10, § 206, 9 October 2014). Вместе с тем этот вопрос остаётся дискуссионным, поскольку, согласно практике Суда, государство не обязано обеспечить «идеально функционирующую почтовую связь» (см., например: *Zagorodnikov v. Russia*, no. 66941/01, § 31, 7 June 2007).

дом решения по вопросу о законности содержания под стражей, даже если ни заявитель, ни его адвокат не присутствовали в суде (см., например: *Idalov v. Russia* [GC], по. 5826/03, § 32 and 156, 22 May 2012). Однако в одном из российских дел при установлении соответствующего нарушения Суд учёл, что заявитель не был проинформирован о принятом судом второй инстанции решении по своему ходатайству об освобождении более семи месяцев (см.: *Medvedev v. Russia*, по. 9487/02, § 50 and 53, 15 July 2010). Также следует отметить, что встречаются дела (но не в отношении России), когда в общую длительность проверки законности содержания под стражей Суд включал период, который потребовался властям для вручения заявителю либо его адвокату судебного решения по жалобе (см.: *G.B. v. Switzerland*, по. 27426/95, § 27, 30 November 2000; *M.B. v. Switzerland*, по. 28256/95, § 31, 30 November 2000; *Mooren v. Germany*, по. 11364/03, § 71, 13 December 2007, причём в последнем деле данный подход был одобрен Большой Палатой Суда, см.: *Mooren v. Germany* [GC], по. 11364/03, § 107, 9 July 2009). Поэтому представляется, что гарантии пункта 4 статьи 5 Конвенции включают в себя право не только на безотлагательное извещение о принятом судебном решении, но и на получение его копии, во всяком случае если по национальному законодательству существует возможность его обжаловать³³.

В зависимости от того, как сформулирована соответствующая жалоба, а также исходя из обстоятельств конкретного дела, ЕСПЧ проверяет сроки производства по делу в суде первой инстанции, второй инстанции либо оценивает общую продолжительность рассмотрения дела судами нескольких инстанций.

6. Сроки в суде первой инстанции

Следующие сроки в суде первой инстанции Суд признал не соответствующими критерию «безотлагательности» и, соответственно, нарушающими пункт 4 статьи 5 Конвенции:

³³ См.: *Rogushin v. Russia* [Committee] (dec.), по. 34706/04, § 33, 21 June 2016, где Суд пришёл к выводу, что жалоба заявителя на невручение ему судебных постановлений о содержании под стражей является неприемлемой, так как он не смог опровергнуть утверждение властей, что соответствующие копии вручались стороне защиты.

16 суток (*Shcherbina v. Russia*, по. 41970/11, § 65–70, 26 June 2014 – в контексте экстрадиции); 20 суток (то есть 21 день, см.: *Sarban v. Moldova*, по. 3456/05, § 120, 4 October 2005), 23 суток (*Rehbock v. Slovenia*, по. 29462/95, § 85–86, 28 November 2000), 26 суток (*Fursenko v. Russia*, по. 26386/02, § 138–139, 24 April 2008), 1 месяц (*Rozhkov v. Russia*, по. 64140/00, § 120–125, 19 July 2007) и более длительные сроки рассмотрения жалоб (либо ходатайств об освобождении), поданных подозреваемыми и обвиняемыми в совершении преступлений. Напротив, процедура рассмотрения ходатайства об освобождении сроком в 8 суток была, по мнению Суда, проведена «безотлагательно» (*Labzov v. Russia* (dec.), по. 62208/00, § 2, 8 January 2004)³⁴. Исходя из имеющейся практики ЕСПЧ, некоторые авторы делают вывод, что две недели являются максимально допустимым сроком для рассмотрения подобного рода дел, не представляющих особой сложности³⁵.

Из практики Суда следует, что вопрос о длительности процесса в суде первой инстанции в контексте пункта 4 статьи 5 Конвенции возникает при рассмотрении судом ходатайства об освобождении заявителя, а также при обжаловании меры пресечения в виде содержания под стражей, назначенной во внесудебном порядке (прокурором). В последнем случае требование о «безотлагательности» судебного контроля, которое содержится в пункте 4 статьи 5 Конвенции, приближается к требованию «незамедлительного» контроля, закреплённого в пункте 3 статьи 5 Конвенции (*Shcherbina v. Russia*, по. 41970/11, § 70, 26 June 2014), то есть яв-

³⁴ См., однако: *Jong, Baljet and van den Brink v. the Netherlands*, nos. 8805/79 et. al., § 55–59, 22 May 1984, где Суд нашёл нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции, поскольку заявители, лишённые свободы во внесудебном порядке, были также лишены возможности заявить ходатайство об освобождении на протяжении 6, 7 и 11 суток соответственно. Представляется, что эта ситуация не отличается существенно от ситуации, когда ходатайство об освобождении было подано, однако остаётся не рассмотренным в указанные периоды времени, поскольку проверка правомерности лишения свободы отсутствует как в том, так и в другом случае.

³⁵ См.: *Elberling B. Recht auf Freiheit und Sicherheit / Konvention zum Schutz der Menschenrechte und Grundfreiheiten: EMRK Kommentar / U. Karpenstein, F. C. Mayer (Hrsg.)*. 2. Aufl. München : C. H. Beck, 2015. S. 143. Rn. 106.

ляется более строгим. Следует также отметить, что при первоначальном заключении под стражу по подозрению в совершении преступления пункт 3 статьи 5 Конвенции, гарантирующий право на «незамедлительное» доставление к судье, является *lex specialis* по отношению к пункту 4 статьи 5 Конвенции (*Lebedev v. Russia*, no. 4493/04, § 74, 25 October 2007).

7. Сроки в суде второй инстанции

Если по национальному праву судебное решение по мере пресечения в виде содержания под стражей либо отказ в ходатайстве об освобождении могут быть обжалованы в суд второй инстанции, такая жалоба также должна быть рассмотрена безотлагательно. Однако стандарты «безотлагательного» разбирательства в суде второй инстанции менее строгие, чем в первой, при условии, что заключённому были предоставлены адекватные процессуальные гарантии в первом процессе (*Lebedev v. Russia*, no. 4493/04, § 96, 25 October 2007). Обстоятельства конкретного дела (сложность, поведение сторон и т. п.) здесь также имеют решающее значение. Из практики Суда можно сделать вывод, что допустимые сроки рассмотрения судом второй инстанции простых дел по жалобам, поданных подозреваемыми и обвиняемыми, как правило, не должны превышать 20 суток (либо трёх недель). Самые длительные сроки рассмотрения жалоб, которые не нарушили пункт 4 статьи 5 в российских делах, составили 22 суток (*Pichugin v. Russia*, no. 38623/03, § 154, 23 October 2012) и 23 суток (*Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia*, nos. 11082/06 and 13772/05, § 50 and 522–523, 25 July 2013)³⁶. С другой стороны, в одном деле нарушение было установлено в отношении срока рассмотрения судом второй инстанции жалобы, который составил 20 суток (*Butusov v. Russia*, no. 7923/04, § 32–35, 22 December 2009). Возможное объяснение этому — различная сложность

дел³⁷. Нарушение также было установлено в делах, в которых срок рассмотрения жалоб судом второй инстанции составил 23 суток (*Kovyazin and Others v. Russia*, nos. 13008/13 et al., § 99, 17 September 2015), 25 суток (*Kuptsov and Kupstova v. Russia*, no. 6110/03, § 107, 3 March 2011), 26 суток (*Mamedova v. Russia*, no. 7064/05, § 96, 1 June 2006, *Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia*, nos. 11082/06 and 13772/05, § 522–524, 25 July 2013), 27 и более суток (*Lebedev v. Russia*, no. 4493/04, § 102, 25 October 2007; 26 November 2009; *Pichugin v. Russia*, no. 38623/03, § 155–156, 23 October 2012; *Mkhitaryan v. Russia*, no. 46108/11, § 106–107, 5 February 2013).

8. Сроки в нескольких инстанциях

Если разбирательство осуществлялось в нескольких судебных инстанциях, необходимо провести общую оценку для того, чтобы определить соответствие требованию «безотлагательности» (*Mooren v. Germany* [GC], no. 11364/03, § 106, 9 July 2009). Время подготовки жалобы в вышестоящий суд не учитывается, поскольку власти не несут ответственности за этот период (*Medvedev v. Russia*, no. 9487/02, § 53, 15 July 2010; *Navarra v. France*, no. 13190/87, § 27, 23 November 1993). Так, например, несовместимыми с пунктом 4 статьи 5 Конвенции были признаны следующие сроки рассмотрения ходатайства заявителя об освобождении двумя инстанциями: 29 суток (*Isayev v. Russia*, no. 20756/04, § 164, 22 October 2009)³⁸, 31 сутки (*Sanchez-Reisse v. Switzerland*, no. 9862/82, § 54–61, 21 October 1986 — в контексте экстрадиции), 32 суток (*G.B. v. Switzerland*, no. 27426/95, § 25–39, 30 November 2000), 34 суток (*M.B.*

³⁶ Сроки рассмотрения жалоб на меру пресечения в виде содержания под стражей судом второй инстанции, которые составили 10, 11 и 16 суток, также были признаны Судом соответствующими требованию «безотлагательности», закреплённому в пункте 4 статьи 5 Конвенции (см.: *Yudayev v. Russia*, no. 40258/03, § 84–87, 15 January 2009; *Khodorkovskiy v. Russia*, no. 5829/04, § 247, 31 May 2011).

³⁷ Этим же можно объяснить более жёсткую позицию Суда по отношению к срокам рассмотрения жалоб на судебные постановления о содержании под стражей в контексте экстрадиции. Так, в таких делах нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции было установлено при длительности производства в суде второй инстанции, составившей 13 суток (см.: *Karimov v. Russia*, no. 54219/08, § 124–128, 29 July 2010; *Shakurov v. Russia*, no. 55822/10, § 182–187, 5 June 2012).

³⁸ Вместе с тем из фактов дела следует, что 29 суток прошло между датой отклонения судом первой инстанции ходатайства об освобождении (26 ноября 2003 года) и датой оставления данного решения в силе судом второй инстанции (25 декабря 2003 года). В постановлении Суда не указано, когда были поданы ходатайство об освобождении в суд первой инстанции и соответствующая жалоба в суд второй инстанции.

v. Switzerland, no. 28256/95, § 29–43, 30 November 2000), 54 суток (*Medvedev v. Russia*, no. 9487/02, § 53–54, 15 July 2010), около 70 суток (*Ignatov v. Russia*, no. 27193/02, § 12–14 and 112, 24 May 2007). К аналогичному выводу Суд пришёл в отношении длительности рассмотрения судами двух инстанций жалобы на меру пресечения, избранную прокурором, которая составила 54 суток (*Khudyakova v. Russia*, no. 13476/04, § 99–101, 8 January 2009 – в контексте экстрадиции). С другой стороны, в одном деле, где власти были ответственны за рассмотрение жалобы на продление прокурором меры пресечения в виде содержания под стражей на протяжении 28 суток, Суд не установил нарушения (*Rokhlina v. Russia*, no. 54071/00, § 75–79, 7 April 2005)³⁹.

При оценке длительности проверки законности содержания под стражей ЕСПЧ также учитывает, вынес ли вышестоящий суд решение по существу дела или направил его на новое рассмотрение в нижестоящий суд, что неизбежно вызывает (порой неоправданные) задержки в вынесении окончательного решения (*Mooren v. Germany* [GC], no. 11364/03, § 103 and 107, 9 July 2009). Так, например, несовместимой с пунктом 4 статьи 5 Конвенции была признана общая длительность рассмотрения ходатайства об освобождении, рассмотренного судами двух инстанций дважды (в результате отмены первоначального постановления судом второй инстанции), которая составила 63 суток (*Isayev v. Russia*, no. 20756/04, § 164, 22 October 2009). Аналогичным образом Суд установил нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции, где общая длительность процесса в результате отмены судом второй инстанции постановления о продлении меры пресечения в виде содержания под стражей (суды двух инстанций рассмотрели этот вопрос дважды) составила 75 суток (*Mukhitdinov v. Russia*, no. 20999/14, § 19, 21 and 87, 21 May 2015)⁴⁰.

Рассмотрение судом второй инстанции жалобы на судебное решение о продлении меры пресечения в виде содержания под стражей дважды (второй раз – после отмены решения в порядке надзора), общая длительность которого составила 71 сутки, также привело к нарушению пункта 4 статьи 5 Конвенции (*Yudayev v. Russia*, no. 40258/03, § 80–83, 15 January 2009)⁴¹. Следует подчеркнуть, что Суд включил в этот период время, которое потребовалось защите для получения копии первоначального решения суда второй инстанции, а также на подготовку, подачу и рассмотрение надзорной жалобы судом надзорной инстанции. Как отметил Суд, повторное рассмотрение дела потребовалось в результате процессуальных нарушений, допущенных судом второй инстанции (адвокат заявителя не был извещён о судебном заседании, а самого заявителя на него не доставили). Однако в похожей ситуации в другом деле Суд, без всякого обоснования, не стал включать надзорное производство в общую продолжительность рассмотрения жалобы на продление меры пресечения в виде содержания под стражей. Нарушение требования «незамедлительности» было установлено со ссылкой на то, что суду второй инстанции потребовалось три месяца, чтобы вынести решение по жалобе до его отмены в порядке надзора, и ещё почти три месяца – после такой отмены (*Strelets v. Russia*, no. 28018/05, § 105–108, 6 November 2012), хотя в данном деле причиной отмены в надзоре также послужило нарушение процессуального характера (суд второй инстанции не рассмотрел все аргументы защиты).

Длительность надзорного производства была исключена из общего срока рассмотрения ходатайства об освобождении заявителя и в деле *Preminyin v. Russia* (no. 44973/04, § 120–123, 10 February 2011). Общая длительность разбирательства без учёта надзорного производства в данном деле составила почти 10 месяцев (дело было рассмотрено

³⁹ В данном деле общая продолжительность разбирательства в судах двух инстанций составила 41 сутки (с 15 октября до 25 ноября 1999 года), однако задержка в 5 суток носила объективный характер (болезнь заявителя), а ещё одна задержка в 8 суток произошла по вине заявителя, которая несвоевременно подала ходатайство о личном участии в заседании суда второй инстанции по рассмотрению её жалобы.

⁴⁰ См. также: *Shukhardin v. Russia*, no. 65734/01, § 13–19 and 121, 28 June 2007, где общая длительность процесса в ре-

зультате отмены судом второй инстанции постановления о продлении меры пресечения в виде содержания под стражей составила около 8 месяцев (суды двух инстанций рассмотрели этот вопрос дважды).

⁴¹ Поскольку в данном деле жалоба в суд второй инстанции была подана 5 мая 2003 года, а рассмотрена в конечном итоге только 16 июля 2003 года, срок между этими двумя датами на самом деле составил 72 суток.

судами двух инстанций трижды). Причиной отмены первоначальных решений по делу заявителя в надзорной инстанции послужило неправильное применение процессуального права нижестоящими судами, которые пришли к выводу об отсутствии территориальной подсудности для рассмотрения его жалобы. В данном деле Суд применил по аналогии свою практику в отношении исчисления длительности процесса по пункту 1 статьи 6 Конвенции (право на рассмотрение дела в разумный срок), согласно которой данная норма Конвенции не применяется к процедурам, направленным на возобновление оконченого производства по делу. Однако допустимость такой аналогии вызывает сомнения, поскольку право на рассмотрение дела в разумный срок применяется к судебному разбирательству «в случае спора о гражданских правах и обязанностях» либо «при предъявлении любого уголовного обвинения». Соответственно, до отмены окончательного судебного решения, вынесенного по гражданскому делу, спор о гражданских правах и обязанностях отсутствует (он уже разрешён), а по уголовному делу — отсутствует предъявленное обвинение. Пункт 4 статьи 5 Конвенции, напротив, применяется при «рассмотрении судом правомерности содержания под стражей», что, как представляется, в той или иной степени происходит и в производстве по надзорной жалобе.

Наконец, в другом деле Суд не стал рассматривать вопрос о том, нужно ли включать надзорное производство в общую длительность проверки законности содержания под стражей, поскольку она превысила допустимые сроки уже до отмены в порядке надзора. В данном деле суду второй инстанции потребовалось почти три месяца для того, чтобы рассмотреть жалобу на продление меры пресечения в виде содержания под стражей (*Yevgeniy Gusev v. Russia*, no. 28020/05, § 97–100, 5 December 2013). Таким образом, следует констатировать, что практика Суда в этом вопросе не является единообразной⁴².

Вместе с тем представляется, что духу Конвенции больше соответствует подход, согласно которому гарантии пункта 4 статьи 5 Конвенции распространяются и на экстраординарные средства правовой защиты⁴³, поскольку при их использовании, как уже сказано выше, в той или иной степени происходит «рассмотрение судом правомерности содержания под стражей». Так, например, Суд применил пункт 4 статьи 5 Конвенции к процедуре рассмотрения конституционных жалоб на судебные постановления о содержании под стражей Конституционным судом, если такая возможность предусмотрена национальным правом (*Šebalj v. Croatia*, no. 4429/09, § 221, 28 June 2011). К аналогичному выводу Суд пришёл в отношении процедур рассмотрения жалоб в Палате лордов Великобритании (*Hutchison Reid v. the United Kingdom*, no. 50272/99, § 77–78, 20 February 2003) и в Кассационном суде Франции (*Navarra v. France*, no. 13190/87, § 27–28, 23 November 1993), которые не являлись полной апелляцией в отношении вопросов факта и права, но включали в себя проверку вопросов, касающихся законности содержания под стражей. Вместе с тем очевидно, что сроки производства при использовании экстраординарных средств защиты могут отражать иной характер разбирательства (быть более длительными, чем при использовании ординарных средств), но в любом случае не должны быть чрезмерными.

9. Сроки и эффективность обжалования

Главная цель пункта 4 статьи 5 Конвенции — защита от произвольного лишения свободы. Безотлагательная проверка законности содержания под стражей необходима для того, чтобы, если выяснится его незаконность, заявитель мог выйти на свободу (*Eminbeyli v. Russia*, no. 42443/02, § 63, 26 February 2009). Поэтому рассмотрение жалобы на постановление суда о содержании под стражей после вынесения нового постановления о продле-

⁴² Представляется, что практика ЕСПЧ в отношении рассмотрения надзорных жалоб на незаконность содержания под стражей применима к новой (действующей) процедуре рассмотрения кассационных жалоб по УПК РФ, которые Суд (как ранее надзорные жалобы) признаёт экстраординарным средством правовой защиты (см.: *Kashlan v. Russia* (dec.), no. 60189/15, 19 April 2016).

⁴³ Подробнее о том, чем, согласно практике ЕСПЧ, отличаются обычные от экстраординарных средств правовой защиты, см.: *Юркина Е.Е.* Европейский Суд по правам человека о новой кассации в гражданском процессе — новый взгляд Суда на старые вопросы? Решение Европейского Суда по правам человека по делу *Абраман и Якубовские против России* в отношении исчерпания внутренних средств правовой защиты // Международное правосудие. 2015. № 4 (16). С. 11–23, 13–14.

нии такого содержания, а тем более после проверки законности нового постановления и оставлении его в силе судом второй инстанции не имеет практического смысла, поскольку не может привести к освобождению заявителя (*Starokadomskiy v. Russia*, no. 42239/02, § 86, 31 July 2008; *Gubkin v. Russia*, no. 36941/02, § 157, 23 April 2009). К такому же выводу Суд пришёл и в ситуации, когда окончательное решение по вопросу о законности меры пресечения в виде содержания под стражей было вынесено после приговора (*Premininy v. Russia*, no. 44973/04, § 212, 10 February 2011) либо после освобождения заявителя (*Mikhail Grishin v. Russia*, no. 14807/08, § 164, 24 July 2012). Таким образом, сроки рассмотрения законности содержания под стражей тесно связаны с вопросом эффективности процедуры обжалования. Чтобы быть эффективной, такая процедура, как правило, должна состояться до истечения срока содержания под стражей, установленное соответствующим судебным постановлением (*Fursenko v. Russia*, no. 26386/02, § 142–143, 24 April 2008; *Mikhail Grishin v. Russia*, no. 14807/08, § 164, 24 July 2012)⁴⁴. С другой стороны, правовой интерес в проверке законности содержания под стражей сохраняется у заявителя и после истечения соответствующего периода, поскольку, даже если это не приведёт к освобождению, подтверждение незаконности лишения свободы позволит ему реализовать своё право на получение компенсации, установленное пунктом 5 статьи 5 Конвенции (*Pichugin v. Russia*, no. 38623/03, § 161, 23 October 2012; *S.T.S. v. the Netherlands*, no. 277/05, § 61, 7 June 2011)⁴⁵.

⁴⁴ Вместе с тем в ряде дел ЕСПЧ пришёл к выводу, что пункт 4 статьи 5 Конвенции не распространяется на средства защиты, которые могут быть использованы для рассмотрения вопроса о законности уже закончившегося периода содержания под стражей, в особенности в случае кратковременного лишения свободы, когда лицо вышло на свободу, прежде чем суд смог бы незамедлительно рассмотреть данный вопрос (см., например: *Sivenko v. Latvia* [GC], no. 48321/99, § 158, 9 October 2003, где максимальная длительность лишения свободы составила 30 часов; *Fox, Campbell and Hartley v. the United Kingdom*, nos. 12244/86 et al., § 45, 30 August 1990, где максимальная длительность содержания под стражей составила 44 часа).

⁴⁵ Здесь усматривается определённое противоречие с практикой Суда (указанной в предыдущей сноске), согласно которой пункт 4 статьи 5 Конвенции не распространяется на средства защиты, которые могут быть использованы для рассмотрения вопроса о законности уже закончившегося периода содержа-

10. Заключение

Практика Европейского Суда по правам человека свидетельствует о том, что нарушение права на безотлагательное рассмотрение судом правомерности содержания под стражей является в России весьма распространённым явлением. В силу пункта 5 статьи 5 Европейской Конвенции жертвы данного нарушения имеют право на компенсацию. Однако, как установил Европейский Суд, российское право не предусматривает возможности получить компенсацию за данное нарушение (*Alekhin v. Russia*, no. 10638/08, § 151–155, 30 July 2009). Поэтому при нарушении права на безотлагательную проверку судом правомерности лишения свободы одновременно нарушается и право на получение компенсации, на что целесообразно указывать в соответствующих жалобах в ЕСПЧ (это повлечёт за собой увеличение размера компенсации, присуждённой Судом)⁴⁶.

Кроме того, для выполнения международных обязательств, вытекающих из пункта 5 статьи 5 Конвенции, федеральному законодателю и правоприменительным органам необходимо разработать и внедрить механизм реализации права на компенсацию за нарушение права на безотлагательное рассмотрение судом правомерности содержания под стражей. Примером такого механизма может служить Федеральный закон от 30 апреля

ния под стражей. См. также: *Navarra v. France*, no. 13190/87, § 24, 23 November 1993, где Суд высказал позицию, что право на проверку законности содержания под стражей и право на получение компенсации не связаны между собой напрямую; *A. and Others v. the United Kingdom* [GC], no. 3455/05, § 200, 19 February 2009, где Суд признал жалобы на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции явно необоснованными в связи с тем, что процедура проверки законности лишения свободы заявителей была инициирована после их освобождения.

⁴⁶ Компенсация, которую ЕСПЧ присуждает за нарушение права на безотлагательное рассмотрение правомерности лишения свободы, гарантированного пунктом 4 статьи 5 Конвенции, может достигать довольно значительных размеров. Так, в одном из последних дел Суд присудил заявителю 5000 евро в качестве компенсации морального вреда за данное нарушение (см.: *Olyunin v. Russia* [Committee], no. 22631/04, 19 April 2016). Следует отметить, что ранее Суд за него присуждал гораздо меньшие суммы (см., например: *Rozhkov v. Russia*, no. 64140/00, 19 July 2007, где сумма компенсации составила 500 евро). Чем вызвано такое значительное (в 10 раз!) увеличение размера компенсации, остаётся загадкой. Справедливости ради стоит отметить, что данный процесс проходил постепенно. Так, в деле *Abidov v. Russia*, no. 52805/10, 12 June 2012, ЕСПЧ присудил за подобное нарушение 2000 евро, а в деле *Alikhonov v. Russia*, no. 35692/11, 31 July 2012 – 3000 евро.

2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»⁴⁷ (ред. от 3 июля 2016 года), который также был принят в целях выполнения требований ЕСПЧ о создании эффективного средства правовой защиты в отношении нарушений Конвенции, связанных, среди прочего, с длительностью судебных процедур. К сожалению, данный Федеральный закон не предусматривает возможность получения компенсации за нарушение права на безотлагательное рассмотрение судом правомерности содержания под стражей, в силу чего суды отказывают в удовлетворении подобных заявлений⁴⁸. Вместе с тем следует отметить, что пункт 5 статьи 5 Конвенции, предусматривающий право на компенсацию в такой ситуации, является составной частью российской правовой системы. Более того, он, как представляется, не требует издания внутригосударственных актов для применения, поскольку способен порождать права и обязанности для субъектов национального права⁴⁹. Так, Европейский Суд признал, что право на компенсацию, гарантированное пунктом 5 статьи 5 Конвенции, является субъективным правом (см.: *Neumeister v. Austria* (Article 50), no. 1936/63, § 30, 7 May 1974). Поэтому в силу пункта 3 статьи 5 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»⁵⁰ (ред. от 12 марта 2014 года) его положения подлежат непосредственному применению судами⁵¹. А согласно части 4 статьи 15 Конституции России, если «международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то

применяются правила международного договора». Кроме того, статья 53 российской Конституции гарантирует каждому право на возмещение государством вреда, причинённого незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Таким образом, в принципе, уже имеется достаточная правовая база для присуждения компенсации за нарушение права на безотлагательную проверку законности содержания под стражей.

Остаётся надеяться, что описанный выше законодательный пробел (отсутствие правовых норм, непосредственно регулирующих условия и порядок присуждения компенсации в такой ситуации), наличие которого приводит к нарушению прав граждан, будет устранён либо законодателем, либо судами путём толкования и применения в судебной практике Конвенции, правовых позиций ЕСПЧ, а также общих положений об ответственности государства за вред, причинённый незаконными действиями (бездействием) государственных органов и должностных лиц⁵². Причём этот пробел должен быть устранён с учётом необходимости скорейшей реализации международно-правовых обязательств Российской Федерации, вытекающих из Европейской Конвенции о защите прав челове-

⁴⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 18. Ст. 2144.

⁴⁸ См., например: Определение Верховного Суда РФ от 18 января 2011 года № 35-Г10-26.

⁴⁹ См.: пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года № 5 (ред. от 5 марта 2013 года) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

⁵⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757.

⁵¹ Так, например, суды Германии применяют пункт 5 статьи 5 Конвенции непосредственно, см.: пункт 10 Постановления Верховного Суда ФРГ от 19 сентября 2013 года по делу III ZR 407/12 (BGH Urteil vom 19. September 2013 Az. III ZR 407/12). URL: <https://openjur.de/u/648098.html> (дата обращения: 30.08.2016).

⁵² В своём отчёте о принятых мерах по исполнению постановлений ЕСПЧ, который был представлен Комитету Министров Совета Европы, власти Российской Федерации заявили, что российское законодательство предусматривает возможность получения компенсации за все нарушения статьи 5 Конвенции, установленные Судом (включая нарушение права на безотлагательную проверку законности лишения свободы). При этом они сослались на часть 3 статьи 133 УПК РФ, согласно которой «право на возмещение вреда в порядке, установленном [главой 18 УПК “Реабилитация”], имеет также любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу», см.: документ DH-DD(2015)1171, с. 21–22. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016804a6fe2> (дата обращения: 30.08.2016). Вместе с тем власти не сослались на какую-либо судебную практику, которая свидетельствовала бы о присуждении компенсации за нарушение права на безотлагательную проверку законности содержания под стражей в порядке данной главы. Данную судебную практику также не удалось обнаружить и автору настоящей статьи. Кроме того, согласно части 2 статьи 136 УПК РФ, иски о компенсации за причинённый моральный вред, который, как представляется, является основным видом вреда при нарушении права на безотлагательную проверку законности содержания под стражей, «предъявляются в порядке гражданского судопроизводства». Судебная практика о присуждении компенсации морального вреда за данное нарушение в порядке гражданского судопроизводства также отсутствует.

ка⁵³. Вместе с тем даже устранение этого пробела не снимает с государства обязательства обеспечить реализацию права на безотлагательное рассмотрение судом правомерности содержания под стражей, с тем чтобы предупредить повторение подобных нарушений⁵⁴. Осторожный оптимизм в возможном решении этой проблемы вызывает конструктивная позиция российских властей, которые в ряде последних дел, рассмотренных ЕСПЧ, признали нарушение права заявителей на безотлагательное рассмотрение судом правомерности содержания под стражей и обязались выплатить им определённые суммы в качестве компенсации морального вреда⁵⁵.

Библиографическое описание:

Лаптев А. Н. Безотлагательность рассмотрения судом правомерности содержания под стражей: европейские подходы к российским проблемам // *Международное правосудие*. 2016. № 3 (19). С. 48–63.

Speediness of judicial review of the lawfulness of detention: European approach to Russian problems

Alexey Laptev

Doctor of Laws (Dr. jur.), LL.M. (Kiel), Human Rights Expert, Prison Litigation Network, Lawyer at the Registry of the European Court of Human Rights (2010–2014) (email: a.laptev@bk.ru).

⁵³ См.: пункт 5 Определения Конституционного Суда РФ от 3 июля 2008 года № 734-О-П в отношении аналогичного пробела, имевшегося в российском законодательстве (отсутствие положений, прямо предусматривающих возможность компенсации вреда, причинённого неисполнением судебных решений, вынесенных по искам к государству и иным публично-правовым образованиям). См. также: пункт 3.3 Определения Конституционного Суда РФ от 3 апреля 2014 года № 687-О: «...отсутствие у граждан, чьи жалобы... были рассмотрены судом... с нарушением сроков, права обращения в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок не может рассматриваться как ограничение их конституционных прав на судебную защиту и на возмещение государством вреда, причинённого незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (статья 46, часть 1; статья 53 Конституции Российской Федерации)», поскольку «не лишает заинтересованное лицо права обратиться в суд с иском о возмещении вреда в соответствии со статьями 1069 и 1070 ГК Российской Федерации, а также о компенсации морального вреда на основании статьи 151 данного Кодекса».

⁵⁴ См., например: пункт 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года № 5 (ред. от 5 марта 2013 года).

⁵⁵ См., например: *Birulev and Shishkin v. Russia*, nos. 35919/05 and 3346/06, § 35, 14 June 2016; *Foteyev v. Russia* [Committee] (dec.), no. 75639/13, 19 January 2016.

Abstract

The article provides an analysis of case-law of the European Court of Human Rights on the requirement of “speediness” of judicial review of the lawfulness of detention (Article 5 § 4 of the European Convention on Human Rights) in the context of criminal proceedings. Its approach to the periods and relevant factors to be taken into consideration when assessing speediness of the proceedings has been explored. The Court’s standards concerning the question of compliance with the “speediness” requirement are rather strict. It can be deduced from its case-law that two weeks at first instance and three weeks on appeal may be a rough rule of thumb in such cases. The article also contains an overview of judicial remedies against detention on remand available under the Russian Code of Criminal Procedure and discusses whether Article 5 § 4 of the Convention is applicable to extraordinary remedies such as cassation appeals on points of law and supervisory review appeals. Violation of the “speediness” requirement in detention review proceedings is a widespread problem in Russia. A breach of this requirement gives rise to a right to compensation under Article 5 § 5 of the Convention which is currently not enforceable in Russia. The author comes to the conclusion that it is necessary to develop and implement a mechanism which secures compensation for violation of the “speediness” requirement, by analogy with Federal Law no. 68-FZ of 30 April 2010 “On Compensation for Violation of the Right to a Trial within a Reasonable Time or the Right to Enforcement of a Judgment within a Reasonable Time”.

Keywords

European Court of Human Rights; European Convention on Human Rights; speedy judicial review of the lawfulness of detention; right to compensation; Article 5 § 4 of the Convention; Article 5 § 5 of the Convention.

Citation

Laptev A. (2016) Bezotlagatel'nost' rassmotreniya sudom pravomernosti soderzhaniya pod strazhey: evropeyskie podkhody k rossiyskim problemam [Speediness of judicial review of the lawfulness of detention: European approach to Russian problems]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 3, pp. 48–63. (In Russian).

References

- Abramochkin V. V. (2010) Otdel'nye aspekty otmeny i izmeneniya mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu, izbrannoy v khode dosudebnogo proizvodstva [Some aspects of cancelling and changing preventive detention ordered at the pre-trial stage of criminal proceedings]. In: Kachalov V. I. [et al.] (eds.) *Ugolovno-protsessual'noe zakonodatel'stvo v sovremennykh usloviyakh: problemy teorii i praktiki* [Criminal procedure law in the present time: problems of theory and practice], Moscow: Wolters Kluwer. (In Russian).
- Arzamastseva K. A., Karetnikov A. S. (2009) Sudebnyy poryadok otmeny ili izmeneniya sudom mery presecheniya v vide soderzhaniya pod strazhey v dosudebnom proizvodstve po ugolovnomu delu [Judicial procedure for cancelling or changing preventive detention in pre-trial criminal proceedings]. *Rossiyskiy sud'ya*, no. 2, pp. 27–29. (In Russian).
- Burganov R. S., Bilkmiyev R. G. (2015) Khodataystva ob izmenenii ili otmene mery presecheniya, vidy primimaemykh po nim sudebnykh resheniy i osnovaniya dlya ikh priyatinya [Pleadings for change or cancel a preventive measure, types and grounds of judicial decisions on these cases]. *Sud'ya*, no. 12, pp. 37–41. (In Russian).
- Karpenstein U., Mayer F. C. (Hrsg.) (2015) *Konvention zum Schutz der Menschenrechte und Grundfreiheiten: EMRK Kommentar*. 2. Aufl. München: C. H. Beck.

- Roca J. G., Santolaya P. (eds.) (2012) *Europe of Rights: A Compendium on the European Convention of Human Rights*, Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers.
- Rukavishnikov P. P. (2012) Otkaz suda v izmenenii mery presecheniya kak predmet samostoyatel'nogo kassatsionnogo (apellyatsionnogo) obzhalovaniya [Refusal of the court to change a preventive measure as the subject of separate reversal appeal]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*, no. 3, pp. 102–106. (In Russian).
- Yurkina E. E. (2015) Evropeyskiy Sud po pravam cheloveka o novoy kassatsii v grazhdanskom protsesse – novy vzglyad Suda na starye voprosy?: Reshenie Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka po delu *Abramyan i Yakubovskie protiv Rossii* v otnoshenii ischerpaniya vnutrennikh sredstv pravovoy zashchity [The European Court of Human Rights. Decision on a renewed appeal in civil lawsuit – A new look of the Court at the old issues?: Commentary on the Judgment of the ECHR in the case of *Abramyan and Yakubovskiy v. Russia* in respect of the exhaustion of domestic legal remedies]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 4, pp. 11–23. (In Russian).